

Сергей
Александрович
СПОЛОХ

В этом году исполнилось 110 лет с начала Первой мировой войны. В России ее поначалу называли Второй Отечественной, затем – Великой и европейской, а сразу после её окончания – германской. С началом революционных событий 1917 года эту войну всё чаще стали называть империалистической и уже гораздо позже стали именовать Первой мировой. Но какие бы ей эпитеты и определения ни присваивались, главное состояло в том, что она была одной из самых страшных и кровавых в истории человечества. Не было ни одного уголка в России, которого бы не коснулись события той войны. Из станиц и хуторов, расположенных на Дону и Северском Донце, в горнило боевых действий были направлены десятки казачьих полков, и они сыграли заметную роль на всех фронтах.

О том, какие события происходили на начальном этапе Первой мировой войны в станице Гундоровской Области войска Донского, на месте которой возник наш город Донецк Ростовской области, и в боевых полках казачьей кавалерии, рассказывается в одной из глав готовящейся к изданию очередной книги нашего земляка, писателя и краеведа Сергея Сполоха. Читайте!

В начале Великой войны

Лето 1914 года выдалось жарким и грозным, а ещё и тревожным. Донская пресса изобиловала статьями, которые эту тревогу еще больше увеличивали. То на все лады описывалась жестокость ненавистных русской душе наследников тевтонов, то бишь подданных Германии, всё время стремившейся объявить себя великой и непобедимой. То редакторы и корреспонденты вспоминали про турецкую угрозу. Страхов нагоняли глубокомысленные изречения доморощенных политических деятелей различных мастей и калибров о неготовности России к войне. При хуторском, совсем не широком кругозоре трудно было с этим всем разобраться, и всё же самые главные знатоки мировой политики – швечиковские старики – собирались днём в правлении и на майдане, а вечерами – на дубках у Северского Донца и вразной обсуждали одни и те же вопросы: когда будет война и с кем. По второму вопросу почти разногласий не было. Все единодушно решили, что война будет с Германией и её союзниками.

Старики в этот раз не ошиблись. 28 июня 1914 года был убит эрц-герцог Франц Фердинанд – наследник Австро-Венгерского престола. Все понимали: кто бы его ни убил и по каким бы причинам он это ни сделал, но событие без последствий не останется. И не осталось.

В середине июля на всех казачьих паях продолжалась привычным порядком уборочная страда. Урожай не был выдающимся, но и горевать по поводу грядущей бескормицы не приходилось. Время требовало работать до седьмого пота. По полям сновали косилки-лобогрейки, женщины неустанно вязали снопы, которые мужчины еле успевали отвозить на подводах на свой тока. На закрайках и в неудобных местах в ход шли косы и серпы. Дело сразу стопорилось, но зато, как говорили казаки, каждый колос шёл на обмолот, а потом и в рот. Ртов становилось всё больше, а количество земли в хуторском довольствии не добавлялось. В последние годы всё больше рождалось мальчиков: хоть и

«Казачий сполох». Художник Щербунев Александр Алексеевич.

радость в семье, ей ведь доставался совсем не лишний пай земли, но были и опасения. Их высказала бабка-повитуха Агафья:

- На одну родившуюся девку чуть ли не два казачка. Всегда говорят, что такое к войне. Как в этот раз будет?

Утром 18 июля из станицы прискакал дежурный сиденочный казак и привёз заранее заготовленный пакет, содержание которого хуторскому атаману Тимофею Богучарскому предстояло узнать только после его вскрытия. Но он и без этого знал: коль пакет розового цвета, значит, грянула мобилизация. Писарь с присущей ему аккуратностью вскрыл пакет и передал атаману его содержимое – лист белой бумаги с отпечатанным на пишущей машинке распоряжением. Последняя фраза звучала почти обыденно: «При получении сего немедленно оповестите население...».

Что сразу и стали делать. Разосланные в разные концы хуторского юрта всадники с ярко-красными флажками на пиках разносили грозную весть. Побежали по улицам и проулкам пешие посыльные, назначенные из числа малолеток. На колокольне Свято-Серафимовской церкви ударили в набат. Так делали во время большого пожара в степи или в самом хуторе. С каждым ударом его тон повышался, и сразу же

росла тревога у всех жителей.

Всё это вместе взятое сливалось в одно крайне редкое для донского населения состояние – всеобщий казачий сполох.

Одна страда на время заслонила другую. Казаки второй очереди сразу стали собирать свою амуницию, ведь через три дня они должны были быть в полной готовности к отправке в действующую армию.

То с одного, то с другого конца хутора стали раздаваться женские крики и причитания. Казаки шикали на них скорее для порядка, сами же понимали, что за время настало и как тут женщинам всех возрастов не поплакать.

Хуторские старики безо всякой то команды и позволения собрались на майдане перед церковью. Несмотря на жару, почти все они были облачены в старые чекмени. Наиболее решительные нацепили на подвесы свои затерханные шашки, давным-давно висевшие в качестве украшений в горницах домов.

Дед Антона Швечикова, Арсений, так тот, помимо шашки, висевшей у его левой сильно хромавшей ноги, заткнул за пояс с правой стороны ещё и турецкий ятаган. Он сжимал серебряную рукоять этого довольно редкого холодного оружия и будто

дождался обязательных вопросов от окружающих. Не зря же его по-уличному кликали Ятаганьчем. Однако все стоявшие в строю старики уже по много раз переслушали байки деда Арсения про его участие в сражениях на болгарских перевалах. Война предстояла другая – русско-германская, а значит, ятаган и не к месту, и не ко времени.

Появившийся на майдане хуторской атаман Тимофей Богучарсков, увидев стариков, сразу обратился к ним с вопросом:

- Вас же, уважаемые старики, никто не собирал, или вы всем скопом в ополчение третьего разряда собрались?

- Хоть четвертого, лишь бы при деле быть.

Атаман солидно им ответил:

- Дело и вам найдется. Хоть подсказкой поможете, хоть советом, а то и молитвой за молодых казаков. Вы же наша хуторская гордость!

Старики приосанились, довольные похвалой в свой адрес, и откликнулись:

- Всем, чем сможем, тем поможем. Нам лишь бы рядом быть. Вместе со всеми.

И они двинулись гурьбой в церковь, где их уже ждал отец Евлампий. Не по часам ему служить молебен, а сказать доброе слово старикам в самый раз. А они уже понесут его по хутору, по своим семьям и передадут все пожелания священника.

Эти пожелания были простыми: всегда помнить о Боге, укреплять дух свой и веру во Всевышнего, молиться неустанно за дарование победы Отчеству и никогда не сомневаться в силе казачьего служивого сословия.

Дед Арсений в этот день наговорился со своими односумами вдоволь и с гордостью напомнил им, что его внук Антон уже на границе в Польше в крепости Замостье и в бой он вступит первым. Так оно и произошло.

Распоряжение о мобилизации в 10-м Донском казачьем полку было получено за час до полуночи 18 июля 1914 года, и тут же словно была спущена давно взведённая пружина хорошо отлаженного механизма.